

Сергей Баунт

Ведьма

Сергей Баунт

Ведьма.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70255060

SelfPub; 2024

Аннотация

Мистика. Легенда о белолицей колдунье до сих пор популярна у северных народностей. Почти реальная история встречи с ведьмой.

Сергей Баунт

Ведьма

Что за ерунда, почему мне не спится? Он перевернулся и посмотрел на часы. Светящиеся стрелки старых "командирских" показывали четыре с полтиной. Скоро уже вставать, а я путем так и не поспал. На новом месте, успокоил он себя, и опять глянул на часы. Все равно, хорошо, что я перехватил это место. Богатая тайга. Иван опять с удовольствием вспомнил, как достался ему этот охотничий участок. Как случайно встретил в поселке старого орочона. И, с удивлением, узнал в нем Колю Иванова. У всех орочон, которых он знал, фамилия была или Иванов, или Сидоров. Говорят, это еще при царе попы их так перекрестили. Один род Ивановы, другой – Сидоровы. Коля был знаменитый охотник, еще в советские времена, его фотография всегда висела на доске почета в конторе районного охотхозяйства. Те времена давно минули, а удачливость Коли не пропала, наоборот, он стал, пожалуй, самым известным охотником района. Городские перекупщики на черных джипах, в конце сезона оккупирующие поселок, первым делом спрашивали дорогу к его дому.

После развала Союза, Коля не ушел, как немногие не спившиеся его родичи, обратно к кочевой жизни в тайге. Он

остался жить в поселке. Хотя его почерневшая, покосившая изба нечасто видела хозяина. Почти все время он проводил в тайге. Поэтому Иван и удивился, увидев эвенка в поселке в это время. Подходило начало сезона. Надо было завозить припасы в тайгу, править прохудившиеся избушки на участках. Скоро все накроет снег, потом будет не до этого. Придет время собирать жатву со своих угодий.

Охотник шел в магазин, в руке его была зажата новенькая красная купюра.

– Коля, ты что по поселку с пятитысячными разгуливаешь? Смотри, отберут пацаны.

Низкорослый, сам похожий на пацана, старый эвенк, остановился. Щелки его глаз чуть приоткрылись. В них блесло пьяное веселье.

– А, задный Ванька! – пьяно кривляясь, закричал тот. – Всю тайгу перестреляла? Всю продала?

И не слушая, продолжал:

– Ванька, водку пошли пить!

Практичный мозг Ивана заработал. Надо этим воспользоваться. Хотя он никогда не отказывался от халявной выпивки, но с эвенками пить не любил, и обычно старался уклониться. Слишком они шепутные пьяные. Приходится смотреть, как бы не добрались до винтаря. Застрелят в угаре, а завтра, когда проснутся в камере, даже не вспомнят за что. Но, тут отказываться было нельзя. Он давно хотел выведать секрет удачливости старого орочона. Однако, о таком

подарке, который достался ему в этот раз, он даже не мечтал.

Иван заулыбался:

– Конечно, Коля, пойдем! С кем, с кем, а с тобой я всегда выпью.

В магазине эвенк с порога закричал:

– Марина, водку давай, Коля гуляет! Задний Ванька буду водка поить!

И, рисуясь, небрежно бросил на прилавок пятитысячную. Маринка, веселая разбитная разведенка, быстро подхватила бумажку, и, подмигнув Ивану, выставила на прилавок батарею бутылок. Как человек опытный, она не стала доставать с полка водку. Эвенки её пили очень редко, только когда ничего другого не было. Слишком она крепкая для них. Поэтому ушлая продавщица достала с самой верхней полки дорогущее португальское вино. Поселковые его брали очень редко и бутылки уже запылились. Иван сразу понял Маринкину затею, но ничего не сказал. Каждый выживает по своему, и девка имеет полное право поиметь свою долю прибыли с пьяного орочона. Да и сам он давно хотел попробовать это вино – что там такое наливают за такие деньжищи?

– Маринка, стакан давай, – Коле не терпелось угостить собутыльника. Та, обычно, никогда не разрешала эвенкам пить в магазине. Знала, чем это чревато. Но, на её вопрошающий взгляд, Иван едва заметно кивнул, и она побежала в подсобку. Ивана в поселке уважали и побаивались. Из всей их охотничьей семьи он был самый спокойный. Не то, что его дур-

ные братья и такой же дикий отец. Но все знали, что это только до той поры, пока его не разозлили. Тогда он становился таким же, как и все из их дикой Смирновской семейки. Все помнили как недавно, прямо в центре поселка, он чуть не убил водителя городского автобуса, случайно помявшего его машину. Тогда мужика, избитого в клочья и уже потерявшего сознание, с трудом сумели отобрать трое милиционеров, выбежавшие из находящегося рядом райотдела. И то, только когда один из них начал стрелять под ухом Ивана. Спас его тогда только начальник милиции – бывший одноклассник.

Вино оказалось обычным. Смирнов подумал, что он никогда не стал бы отдавать за него такие деньги. Но пить в магазине оказалось неудобно. То и дело заходили покупатели. А двое похмельных выпивох, почуяв дармовую выпивку, и вообще попытались пристроиться к ним. Лишь грозный окрик Ивана заставил их ретироваться. Поэтому, выпив стакан, он уговорил Колю пойти на речку. Там, под кустами у самой воды, они и просидели пару часов. Трезвый Смирнов незаметно дозировал выпивку так, чтобы старый охотник не набрался до краев раньше времени. Все выпившие одинаковы – желание прихвастнуть растет с каждым стаканом. Все хотят доказать, что мир стоит только потому, что есть на свете я. Коля, подталкиваемый вопросами Ивана и вовремя подлитой порцией кислятины, разошелся вовсю. Смешно коверкая язык и торопясь, он выкладывал историю своей жизни. Смирнову не интересно было слушать историю про

интернат и то, как Коля нашел в тайге почти целую дореволюционную винтовку Ли-энфильд. Это слово эвенк так и не смог выговорить, но Иван в свое время видел ствол орочена, поэтому понял, о чем речь.

– Коля, а ты давно на этом участке? – наконец, напрямую спросил он. – Как ты его получил?

Этот вопрос, как показалось, отрезвил охотника. Он испуганно посмотрел на Смирнова и подозрительно спросил:

– Ты зачем? Ты хочиса мой тайга?

"Блин, старый хрен, учуял сука, – Смирнов быстро плеснул в стаканы очередную дозу и постарался перевести все в шутку. – Хочу, конечно, но столько денег у меня нет".

Эвенк выпил и отставил стакан в сторону. Он задумался, и некоторое время не реагировал на окружающее. Вдруг он встряхнулся, и, почти трезвым голосом, спросил:

– Ванька, возьмешь мой тайга?

Смирнов опешил. Он почувствовал, что шутить сейчас нельзя.

– Возьму! Сколько?

– Деньги не надо... так возьми...

– Не, так дело не пойдет. Я возьму, но только за деньги.

Смирнов знал щепетильность эвенков и хотел закрепить сделку хорошей суммой, чтобы протрезвевший Коля не смог отказаться от своих слов. Старик пожевал губами и, не улыбаясь, сказал, похоже, первую цифру, что пришла ему в голову:

– Сто!

Деньги были хорошие, и в любом другом случае Иван бы начал торговаться, но тут тянуть было нельзя. Он опять плеснул в стаканы:

– Беру! Давай обмоем дело!

С Колей что-то произошло. Он вдруг повеселел, заулыбался и закричал:

– Наливай больше, Ванька! Теперь всегда богатым будешь!

Смирнов заторопился. Как бы не передумал узкоглазый!

Он подхватил уже с трудом державшегося на ногах эвенка и потащил его к своему дому. Там он усадил охотника во дворе за баней, а сам побежал в дом. Зинка, вечно испуганная молчаливая жена, не выдержала – запричитала, увидев пачку пятитысячных в руке мужа.

– Куда ты их, Ваня? Мы же подкопить хотели.

– Молчи! Не твое дело!

Жена замолчала, лишь испуганно отшатнулась, когда он пробежал мимо.

Пока шли, эвенка разморило. Смирнов чувствовал, еще немного, и тот уснет. Надо успевать. В сенях на гвозде висел ремень с ножнами, из которых торчал охотничий нож. Иван выдернул нож и, почти бегом, направился за баню.

Увидев нож в руках Смирнова, Коля пьяно засмеялся:

– Чо, Ванька, деньги жалко? Убить Колю хочешь?

– Да ты что? Что ты такое говоришь?

Эвенк погрозил ему пальцем.

– Э, Ванька, ты шатун. Тебе человека убить, что белку.

Смирнову был неприятен этот разговор, потому что у него действительно мелькнула такая мысль. Но сложности с доказательством принадлежности участка, если бы Коля пьяный случайно утонул, остановили его.

– Коля, давай по старинке – кровью дело закрепим. Вот твои деньги!

Смирнов знал этот старый обычай ороchon – важную сделку метить кровью. Он сунул пачку красных купюр в карман Коли и первым полоснул ножом по предплечью. Сразу выступила кровь. «Вином гонит», – подумал Иван, и закатал рукав не сопротивляющемуся старику. Чиркнул. На сухой детской руке тоже проявились капли крови. Иван капнул своей крови в стакан Коли, а свой стакан поднес под красные капли с руки эвенка. Все. Дело сделано. Главное было не в том, что такой договор считался священным, а в том, что завтра, проснувшись и увидев рану, Коля вспомнит про уговор. И, значит, у него не будет возможности отказаться от сделки, сославшись на то, что не помнит. Смирнов потерял всякий интерес к дальнейшей пьянке и просто сидел, наливая полные стаканы и ожидая, когда Коля свалится. Когда это случилось, он закинул легкое бесчувственное тело в машину и отвез к Колиной избе. Выложил его на покосившееся крыльцо и веселый уехал домой.

«Да, здорово я тогда его окрутил», – заулыбался в темноте Иван. Он вспомнил, как на следующий день, еще совсем рано, забила на цепи собака. У калитки стоял сморщенный, сгорбившийся Коля.

– Ты чё? Похмелиться? Я же тебе кучу денег дал. Сейчас тебе в любом ночнике литру дадут.

Но старик пришел не за этим. Он трясущейся рукой протягивал Смирнову вчерашнюю пачку.

– Ванька, возьми деньги. Мой участок тебе нельзя. Хорошо?

Он заискивающе заглядывал в глаза Ивану.

– Не, ты чё, Коля? Так дела не делаются. Все вчера правильному решили. Даже руки резали. Видишь! – Смирнов сунул под нос эвенку свою ранку. – Да, давеча ты веселый был, что продал.

– Нельзя, нельзя Ванька тот тайга тебе, – не слушая, продолжал бормотать орочен. – Пропадешь! Ты медведь, тебе нельзя туда.

Смирнову надоел этот пьяный бред не проспавшегося Коли, и он захлопнул калитку, хмуро бросив:

– Все Коля, иди, спи.

Уходя, он слышал невнятные причитания за забором. Хорошая, видно, тайга! Жалко узкоглазому. Вишь, спозаранку прибежал.

Мысли Ивана прервал непонятный скрип за дощатой

дверью. Явно не мышь, и не колонок. Кто-то гораздо крупнее. Смирнов затаил дыхание. Тишина. Показалось что ли? Нет, опять. Как будто кто-то стоял и переминался на ногах. Ивану даже показалось, что он расслышал тихое сопение гостя.

Осторожно, стараясь не шуметь, он протянул руку к стене. Нашарил в темноте карабин и потянул, пытаясь снять с гвоздя. Ремень никак не хотел слетать со шляпки. Иван потянул сильнее. Гвоздь разогнулся и карабин, наконец, оказался в руках. Смирнов передернул затвор, загнал патрон в патронник и направил ствол на двери. Ну, теперь пусть заходит, подумал он, успокаиваясь. Кроме случайного медведя-шатуна, он в тайге никого не боялся. Да, в общем, и шатуна он побаивался только по привычке. Убив первого медведя в шестнадцать лет, и повоював в армии на чеченской войне, он знал, перед пулей никто не устоит, ни голодный медведь, ни жадный человек.

– Заходи! – почти весело крикнул Иван. – Там не заперто!

За дверью стихло. Сейчас убежит, подумал он. Скорей всего россомаха. Судя по скрипу, вес у гостя был. И, действительно, опять послышался скрип снега. Но тут Иван насторожился. Это были явно человеческие шаги. То, что незнакомец не ответил и не стал заходить, говорило о враждебности. В тайге так люди себя не ведут. Кто, блин, может тут быть? В ноябре, среди ночи? Вдруг сердце ожгло – китайцы! Только эти, заполонившие в последнее время все вокруг, пронырли-

вые людишки могли добраться сюда. Все остальные, и бандиты, и охотники, вряд ли решились бы связываться со Смирновым. А для этих хунхузов местные порядки не указ.

Вот я идиот, подумал он, скатываясь на земляной пол. Эти могли с винтаря засобачить прямо через дверь. А то и с "калашника". Чеченский опыт подсказывал, надо выбирать-ся из ставшей ловушкой избушки. Но как? Хоть и темно, но те, снаружи, присмотрелись уже к темноте и наверняка ждут. Он пополз к двери. Ничего умного в голову не приходило. Он затих и весь превратился в слух. Зачем кричал, материл он себя, надо было притвориться спящим. Блин, хозяин местный ко мне благоволит – разбудил и заснуть не давал. Не зря я ему налил вчера. Ужиная перед сном, Иван позволил себе сто грамм разведенного спирту. И перед тем как выпить, плеснул добрую порцию в огонь буржуйки, задабривая местного духа леса – Хозяина, как уважительно называл его когда-то отец.

Блин, ушли что ли? Он уже минут пятнадцать лежал на полу. Если на топчане было тепло, то тут внизу холод был основательный. Еще немного и примерзну. Надо смотреть. За это время звук шагов ни разу не повторился. Или ушли так далеко, что не услышать, или черт его знает, что еще?

Иван неслышно поднялся и на цыпочках пошел к окну. Что толку? Сколько не вглядывайся в темноту за окном, ничего не разглядеть. Он присел на топчан, тихо натянул ичиги и пошел к двери. Хватит кормить свой страх. Смирнов

только хотел толкнуть стволом карабина дверь, как она распахнулась сама. Мгновенно уткнув приклад в плечо, Иван страшным голосом – как тогда на войне – закричал:

– Ложись, сука! Убью!

Маленькая фигурка, темная на фоне двери, качнулась вовнутрь и мелодичным женским голосом попросила:

– Не стреляй, урус...

Потом шагнула вперед, мягко отвела ствол в сторону и прошла прямо к печи. Потерявший дар речи, охотник растерянно смотрел, как гостя присела к железной печи и открыла дверцу.

– Все выстудил, топить надо, однако...

По-русски она говорила почти правильно, но Иван, даже не зажигая лампу, понял – орочонка. Нервное напряжение, сковывающее его, вырвалось потоком отборной ругани. Он не стеснялся поселковых женщин, а тут эта. От таких выражений, что рвались из него сейчас, и мужик бы покраснел. Девушка встала, подошла к Смирнову и вдруг прикрыла ему рот мягкой теплой ладонью. Потом тихонько толкнула его. Совсем очумевший, он присел на топчан и даже забыл, что надо материться.

– Ты что, девка, – успокаиваясь, заговорил он. – Я ведь тебя сейчас чуть не завалил. Ты что – голос не могла подать?

Орочонка поднялась и мягко шагнула к нему. Не говоря ни слова, она вскочила к нему на колени и обвила шею руками. Её губы прильнули к его горлу. Голова Смирнова пошла

кругом. Он хотел оттолкнуть наглую девку и не смог. Звериная страсть начала просыпаться в нем. Каждое прикосновение губ, каждое движение бедер будило его мужское начало. Что я думаю, баба же! – отстраненно решил он. И, больше не сопротивляясь, отдался инстинктам. Девушка приподнялась, одним движением скинула с себя парку и бросила её в угол. Иван ахнул – она оказалась совсем голой! Теперь из одежды на ней остались только унтики и какой-то амулет между маленьких острых грудей.

– Ну, девка, ты даешь! – прохрипел он, скидывая с себя рубаху.

Та, что-то жарко шепча, прижалась к нему грудью. Пружина внутри Смирнова развернулась. Уже не контролируя себя, он подхватил девушку и бросил её на шкуру, прикрывавшую топчан.

Сколько раз они начинали и заканчивали любовную игру, он не помнил. Орочонка оказалась неутомимой. Они раз за разом сливались в животном экстазе. Измотанный Смирнов даже сам не заметил, как заснул.

Проснулся он от того, что замерз. Он открыл глаза и вскочил.

– Черт!

На улице был день. Все проспал. А где она? Иван недоуменно огляделся. Серое солдатское одеяло валялось на полу. Карабин так и стоял прислоненный к столу, как он вчера его оставил. Изломанное тело болело. Значит, все это не при-

снилось. Но следов девушки не было. Он на ходу сунул ноги в обрезанные старые валенки, которые использовал вместо тапочек, и подошел к двери. Толкнул створку и зажмурился от сияния дня. Яркое солнце играло на снегу. Мириады искорок зажигались и гасли. Красота зимнего дня наполнила душу предвкушением хорошего. Да и хрен, что проспал! Займусь сегодня делами по избушке. Он, не одеваясь, выскокчил на улицу и, набрав из поленницы у стены дров, вернулся в жилище.

Уже положив дрова у печки, он остановился. Какая-то неправильность увиденного царапала сознание. Медленно он повернулся и опять вышел на улицу. Так и есть – никаких других следов, кроме его собственных, возле избушки не было. Не обращая внимания на мороз, он обежал вокруг хижины. Ничего. Были всякие следы: птичьи, колонка, маленькие тропки мышей, обживающих избушку, даже свежий волчий след, но человеческих не было!

Что за хрень?! Он уже давно не верил в сказки. Вся его предыдущая жизнь учила – нет никаких нематериальных сил. Если ты сам не приложишь сил, никто тебя не спасет и не поможет. В раздраенных чувствах он вернулся вовнутрь и начал заниматься привычными делами, пытаясь отогнать мысли о произошедшем. Так, в молчании он приготовил себе завтрак – нажарил сковороду привезенного из дома сала, и вскипятил чайник.

Поставив сковороду со скворчавшим салом на стол, он

не выдержал и опять вышел на улицу. Нет, ничего не изменилось – только день разгорелся еще ярче. Следов не было. Он присел за стол. Мысли сбивали аппетит. Смирнов не любил непонятное. Все и всегда он мог объяснить для себя. И вот сегодня это крепкое устоявшееся осознание окружающего вдруг дало трещинку. Он выматерился и потянулся к бутылке со спиртом, стоявшей под столом. Иван никогда не пил просто так, тем более по утрам, но иногда водка просто необходима. Надо добавить мозгам гибкости. Он одним махом выпил полстакана разведенного спирта и навалился на еду. Съев сало, он налил себе чаю и пересел к печке, чтобы у тепла спокойно выпить кружку и еще раз спокойно все обдумать.

Думай, не думай, а если ты человек, то следы от тебя должны остаться. Выходило, что орочонка – не человек. Раньше эта мысль пугала, но теперь – после спирта и жирной еды – все уже не казалось таким страшным. Похоже, все-таки это был сон. Наверное, с устатку вчера, да еще и выпил. А тело ломает от дороги. Он, действительно, вчера натруился. В три часа ночи он выехал на снегоходе из поселка, весь день ехал и прибыл в избушку уже, когда начало опять смеркаться. Потом раскладывал вещи, обживал жилье. Еще и выпил. Конечно, вот и пригрезилось. Смирнову стало легче. Мир вернулся в свою колею. Прихлебывая чай и осматривая жилище, он все больше убеждался в правоте этой мысли – никаких следов присутствия девушки не было.

Весь день он занимался делами по хозяйству. Основательно, по-новому распределил и разложил припасы. Подремонтировал то, что не заметил, когда осенью первый раз обживал избушку и участок. Тогда он добрался сюда на лошади. Тайга понравилась с ходу. Несмотря на молодость, Иван был уже опытным охотником. Еще в школе, ему больше нравилось бродить с ружьем по лесу, чем сидеть в душных классах. И, если бы не ремень бешеного отца, он бы бросил учебу. Хотя сам отец и приучил его к тайге, таская в лес с собой, с тех самых пор, что он начал ходить своими ногами. Отец и поставил его первый раз на добычу у берлоги. Ему было шестнадцать. Иван до сих пор с удовольствием вспоминал, что не струсил, когда отец, ворочавший вагой в берлоге, с криком отскочил от лаза. Из черной дыры посреди сугроба показалась голова медведицы. Смирнов в первый раз встретился взглядом с подслеповатыми с лежки, злыми глазками зверя. В этот момент он почувствовал, что еще секунда и зверь может выскочить прямо на него. Но все равно не стал стрелять сразу, а подождал, когда медведица вылезет чуть больше, чтобы бить наверняка. И только тогда нажал спуск. Отец, осматривая застрявшую тушу с аккуратным пулевым ранением в загривке, только покачал головой:

– Ну, ты даешь! Не посрамил Смирновскую родоу. Медвежатником будешь.

С тех пор прошло уже столько лет, и теперь вся охота была для него работой. Но до сих пор азарт схватки со зверем

будоражил ему кровь.

Добираясь на лошади до избушки, он с удовольствием видел признаки богатства участка. Множество следов, выбитые, затоптанные водопой и хорошие травяные поляны – корм для коз и зверя крупнее. Выше по распадку, ближе к гольцам, он заметил след кабарги. Сердце радостно сжалось. С прибытком буду. Китайцы давали бешеные деньги за струю этого маленького клыкастого оленя. В тот раз он поправил избушку, переделал пошире топчан и добавил кое-какие удобства – Коля обходился минимумом – даже топчан у него больше напоминал две брошенные доски.

Весь день он гнал мысли о том, что случилось ночью. Короткий зимний день пролетел незаметно. Надо лечь спать пораньше. Завтра спозаранку идти раскидывать капканы. Иван основательно поужинал, засунул в печку два сырых полена – будут понемногу гореть всю ночь. Блаженно растянувшись на сохатинной шкуре, он еще раз порадовался, что завтра начинается настоящая работа, та, после которой болят руки и ломит спину, но та, которую он любил. Задув лампу, он повернулся к стене и начал проваливаться в сон. Не приснилась бы опять какая-нибудь хрень, подумал он, и заснул.

Все повторилось почти так же, как прошлой ночью. Иван вдруг проснулся как от толчка и посмотрел на часы. Стрелки подбирались к трем. Он потянулся, поправил одеяло и попытался заснуть опять. В это время за окном послышался скрип снега. Он похолодел – знакомые шаги. Смирнов со

всей силы закрутил себе ухо. Черт! Больно! Это не сон. Не зная, что предпринять он по привычке потянулся к оружию. Двери легко распахнулись и темная фигурка ласково промурлыкала:

– Урус, я пришла...

Они опять лежали вместе, голые и потные. Иван даже сам не понял, как это получилось. Когда он увидел в проеме двери, на фоне звезд, фигурку девушки и услышал её слова, он вскочил и опять, как в прошлый раз, направил на неё карабин.

– Кто ты? Только не ври! Пристрелю!

Не обращая внимания на оружие, она шагнула в избушку, и захлопнула за спиной дверь.

– Я, Таюна...

Смирнов растерялся, он еще не встречал человека, который бы не боялся оружия в его руках. А та, кошкой скользнула к нему и прижалась к широкой груди.

Этого не может быть! Это не со мной! Он опустил руки. Ствол мягко стукнулся о топчан. Непроизвольно он сжал девушку в объятьях. Она счастливо засмеялась и потерлась носом о его щеку.

– Урус колючий...

Через силу он оттолкнул девушку и чиркнул спичкой. Та воспользовалась паузой и стянула через голову расшитую парку. Смирнов увидел то, что и ожидал – гибкое смуглое тело, без малейших признаков одежды. Она быстро скинула

красивые – все в бисере – унттики и опять потянулась к нему. Он чувствовал – внутри разгорается пламя. Это было сильнее его. Не контролируя уже себя, он подхватил девушку и попытался завалить на топчан. Но в этот раз она не поддавалась. В миниатюрном, почти детском теле, оказалась невиданная сила. Таюна толкнула его, заваливая на спину, и сама уселась сверху. Сжав его ногами, она заерзала круглой крепкой попкой. Смирнов зарычал. Она ответила тем же.

Насытившись, они лежали как два довольных зверя после случки. Смирнов повернулся к девушке, подставил руку под голову и спросил:

– Так ты мне расскажешь, кто ты?

– Я Таюна, урус...

– Это я уже знаю. И почему ты меня так называешь?

– А ты что, не урус?

– Нет, я русский. Иван.

– Вот я и говорю – урус Иван.

По тому, что говорит по-русски она чисто, он понял – девка образованная. Наверняка в их районном интернате училась. И он, может быть, даже встречал её в поселке. У него совершенно вылетело из головы вчерашнее отсутствие следов. Девушка, лежавшая рядом, была абсолютно реальной – из плоти и крови. Хотя вряд ли встречал – такую красивую ороchonку он бы не забыл. Она была не просто красивой, она была по неземному прекрасна. Даже такому приземленному человеку, как Смирнов, это стало ясно, как только

спичка осветила её. В прошлую ночь он так и не разглядел её. И, вообще, даже слова с ней не сказал.

– Откуда ты? Чья?

Она тоже приподнялась и посмотрела на Смирнова. Глаза, необычно большие для ороchonки, блестели в полумраке.

– Зачем ты хочешь это знать? Разве тебе не хорошо со мной?

Иван сел.

– Что ты, Таюна, с тобой так хорошо, как ни с кем не было.

Она засмеялась. Белые зубы, жемчугом, блеснули перед Иваном.

– Но, все равно, я хочу знать про тебя, – упрямо повторил он.

– Я лесная, – помедлив, пропела девушка. – Из леса, из тайги...

Вибрирующий, чарующий голос вызывал желание. Блин, ведьма какая-то, пронеслось у него в голове.

– Ты ороchonка?

– Да, – опять помедлив, неохотно ответила она.

– Из какого рода? Где вы кочуете?

– Из рода лакшикагир.

– Нет такого рода, – это Иван знал точно. Недавно он водил любимую дочку в местный краеведческий музей показать зверей, на которых он охотится, когда уезжает из дому. Там экскурсовод рассказывал, что на территории района живут только два рода эвенков – киндигирский и чильчигир-

ский.

– Есть, – твердо сказала она. И, чтобы предупредить дальнейшие расспросы, схватила его за плечи и потянула на себя. Когда они снова оторвались друг от друга, довольный, измученный Смирнов посетовал.

– Таюна, ты опять меня без сил оставила, а мне сегодня надо идти. Я же в лес на добычу, а не отдыхать приехал.

Она прижалась к нему.

– Не переживай, охота у тебя теперь всегда будет удачной.

– Твои бы слова да богу в уши.

Он снова не заметил, как заснул. Проснулся в этот раз перед рассветом. Рядом никого не было. Все повторялось. Смирнов поднялся, разжег печь, приготовил тот же немудреный завтрак. Перекусил. Потом собрал все, что нужно на день, в рюкзак. Из оружия взял сегодня дробовик – надо добыть рябчиков на супец, а то уже второй день без похлебки. Да, и главное сегодня – определиться с местами, где живет соболь, ну и по пути раскидать капканы, если получится. Он упорно гнал от себя мысли о том, что увидит за порогом. Вернее, о том, чего не увидит.

Выйдя на мороз, он остановился и присмотрелся. Все как он и предполагал – человеческих следов не было. Не давая себе думать об этом, он встал на лыжи, и, пройдя полянку у избушки, вошел в лес. Все. Все мысли, все переживания остались там, у избушки. Началось то, что он любил больше

всего на свете – лесная работа – охота.

Ты смотри, девка как в воду глядела, думал Иван, разглядывая следы. Тайга богатящая, я тут озолочусь. Отойдя от дома каких-то тридцать метров, он поднял из снега стайку ночующих рябчиков. Легко настрелял несколько штук, суеверно не став считать сколько. Таскать их с собой он не собирался и развесил на суку старой лиственницы, связав за лапки сыромятным ремешком.

Соболя было много. Впервые Иван видел такой богатый участок. То-то Коля-орочон прибежал деньги назад отдавать, когда протрезвел. Следы зверя – и сохатого, и изюбря тоже попадались. А козы сколько, радовался он, примечая следы косуль, изрезавшие лес. На тропы, набитые зайцами, он уже не обращал внимания. А ведь на прошлом участке приходилось брать и зайца.

Возвращался он довольный. Хоть и намахался за день – километров тридцать напетлял по всему участку – но и результат отличный. И капканы расставил все, что были, и места присмотрел для ловушек, и даже не удержался – добыл несколько белок. Они просто лезли под выстрел. Уже почти у самой избушки – до неё оставалось метров полста, он остановился – коза словно ждала его. Она копытила что-то под снегом и не обращала внимания на подходящего охотника. Он загорелся. Сейчас он пожалел, что взял дробовик. С карабина он положил бы косулю одной пулей. Рискну, подумал он. Медленно делая движения, он перезарядил "ижевку" пу-

лей и приложил ружье к плечу. Достану или нет? Он не любил делать подранков, но сегодня все удавалось и он отбросил сомнения. Поймав на мушку лопатку козы, он задержал дыхание и плавно нажал спуск. Есть! Косуля подпрыгнула, но не побежала, а повалилась в кусты. Иван даже не побежал. И так было ясно, что зверь мертв. Вот сегодня везет! Мясо прямо к столу. Не буду возиться с рябчиками. Наварю нормального мяса.

Короткий зимний день закончился быстро. Когда он закончил с делами, было уже совсем темно. Забросив и уложив разделанную тушку косули, он спустился с лабаза. Пора ужинать. Смирнов поставил на печку кастрюлю. Набросал туда нарубленного мяса и посолил. Не буду придумывать никакой суп, решил он. Поем просто мяса. Пока вода закипала, он нарезал еще теплой печенки, насыпал на берестянку соли. Отец в свое время приохотил его к строганине. Но Иван пошел дальше – он не ждал, когда мясо замерзнет, а ел печень свежую, еще не остывшую. Ну, вот теперь сам бог велел выпить! За талан, за удачу, и под хорошую закуску.

Как только он налил спирту, за стеной заскрипел снег. Шаги были не такими слышными, как в ночи, но его острый слух их уловил. Иван даже не успел испугаться. Дверь распахнулась.

– Хочу мяса! – без всяких предисловий, с порога, объявила знакомая гостья.

Смирнов почувствовал облегчение. Оказывается, он весь

день подспудно ждал этой встречи и боялся, что сегодня девушка не придет. Сейчас ему было наплевать, кто она. Да пусть хоть инопланетянка! Он резко повернулся и чуть не уронил чурку, служившую стулом.

– Таюна, ты вовремя! Сейчас мясо сварится, – его губы помимо воли сложились в улыбку. – А печенку свежую будешь?

Эх, блин, да она голодная! Смирнов заметил, как загорелись глаза девушки при взгляде на лежавшее на столе мясо.

– Буду! – изменившимся голосом, прохрипела она и шагнула к столу.

Иван торопливо поставил ей чурку, а сам сел на топчан.

– Ешь, Таюночка! Я ещё нарежу.

От спирта орочонка отказалась. Это очень удивило. На его памяти, они никогда не отказывались от выпивки – хоть мужики, хоть бабы. Сам Иван выпил и присоединился к гостю. Они ели сырую нарезанную печень, макая куски в соль. Руки у обоих стали красными от крови. Иван пододвинул девушке тряпку, которой вытирал руки.

Сейчас при свете лампы, он, наконец, разглядел её лучше. Черные блестящие волосы до плеч. Круглое, с широкими скулами и маленьким прямым носом, лицо. Иван впервые видел такую светлолицую эвенку. Только брови вразлет, черные-черные. И, конечно, глаза. Так же неожиданно большие, раскосые, с огромными черными зрачками – они притягивали Смирнова. Она ела и иногда взглядывала на него. В гла-

зах светился голод. Бедная, похоже, дня три не ела. Она торопилась, по подбородку текла кровь. Если бы кто увидел их сейчас, наверное, испугался бы до смерти. Иван, здоровый, с грубым, словно рубленным на скорую руку, лицом и ороченка, с горящими глазами, в расшитой мохнатыми хвостами, бисером, и какими-то блестящими металлическими побрякушками кухлянке. В мерцающем свете лампы их окровавленные лица и руки наводили на мысли о страшном и потустороннем.

Наконец, она насытилась. От вареного мяса и чая деушка отказалась. Вытерев лицо и руки, она, нисколько не стесняясь, сбросила свои меха и оказалась в привычном уже виде – голая. Быстро юркнув на топчан, она прикрылась одеялом и горячим страстным шепотом позвала:

– Иди ко мне, сатымар...

Смирнов хотел еще поесть мяса, оно как раз доварилось и распространяло вокруг аппетитный аромат. Он уже наложил в миску самые жирные куски, но не выдержал. Отставил все в сторону и начал срывать с себя рубаху. К черту! Я хочу её!

Сегодня любовница превзошла себя. Смирнов чувствовал себя измотанным, словно весь день таскал бревна.

– Надо было сразу тебя накормить, – довольно пошутил он.

– Да, я люблю мясо, – промурлыкала в ответ тоже довольная Таюна.

Она повернулась к Ивану и, водя пальчиком по его груди,

зашептала:

– Ты как медведь, настоящий сатымар. Теперь всегда будешь со мной, никому не отдам.

Что-то в этих словах не понравилось Смирнову. Слишком серьезно она говорила.

– Не смогу я всегда быть с тобой. Еще месяц, и домой.

– Зачем тебе домой? Твой дом здесь! Я знаю. Еда, огонь и женщина у тебя есть. Что еще надо смертному?

Ты посмотри, как заговорила, про себя удивился он, точно десять классов закончила, но вслух сказал:

– Много чего надо.

Орочонка вскинулась:

– Ну, скажи мне, амикан, чего тебе не хватает?

Он задумался. Если быть честным, то она права. Все, что надо для жизни, у него есть и здесь. Даже баба. Он не любил ни город, ни деревню. Жизнь в лесу, когда все зависит только от тебя – вот это было то, что надо. Даже не в сезон, он при любом удобном случае сбегал в тайгу. Общаться с людьми Иван не любил и не умел. Поэтому часто решал вопрос силой – как зверь. Это помогло ему выжить в Чечне, иногда помогало и в гражданской жизни, но, в большинстве случаев, мешало.

Он уже хотел согласиться с Таюной, но вдруг вспомнил про дочь. Как же он мог забыть?! Маленькая золотоволосая непоседа – это был единственный человек, которого он по-настоящему любил. Смирнов не часто вспоминал про жену,

да и женился-то он чисто потому, что так принято. Жена тоже вышла за него по расчету. Ей, старшей дочери, из бедной многодетной семьи, это показалось лучшим выходом, пропуском в богатый мир.

Они несколько лет прожили без детей – жена никак не могла забеременеть. Смирнов уже хотел разводиться, но тут это произошло. Когда в доме появилось маленькое плачущее существо, и Иван в первый раз взял девочку на руки, что-то произошло с ним. Впервые в жизни он заплакал. Никогда не видевшая такое, жена испугалась. Она попыталась отобрать ребенка. Но он только рыкнул на испуганную женщину, продолжал качать в своих огромных ладонях свое счастье. Теперь все самое лучшее в их доме принадлежало Анечке.

При воспоминании о дочери все происходящее вокруг померкло. Вот единственное, для чего стоит жить – подумал он. Таюна почувствовала перемену в охотнике. Она подскочила и, упершись ладонями в его грудь, заглянула в глаза.

– Дочку вспомнил?

В голосе звучала обида. Иван удивился, откуда она знает про дочь.

– Про меня забыл, да?

Вдруг она опять прижалась к нему и начала тереться грудью о его грудь. У Смирнова все вылетело из головы. Он обнял горячее извивающееся тело и все началось по новой.

Как всегда, он не услышал, как она ушла.

Начались обычные дни. Смирнов обходил ловушки и

петли, снимал поповшегося соболя и кабаргу, переставлял капканы, стрелял белку и даже добыл хорошую молодую изюбриху. Все это надо было переработать – снять шкурки, обработать, натянуть на правилки, подсушить. С кабаргой возни было поменьше, главное надо было осторожно вырезать "струю" – ту самую пахучую железу, которую так желали получить китайцы. Шкуры от неё он не брал. Разделявал только тушки. Мясо кабарги неплохо покупали. Каждый день у него росли связки пушнины. Дни были заняты без остатка.

Но, как только он заканчивал с делами и садился ужинать – распахивалась дверь и появлялась желанная гостья. Счастливый Иван вскакивал и Таюна бросалась к нему в объятия. Потом ужинали – Смирнов уже знал её вкусы – он специально к её приходу готовил строганину из мяса или печени. При виде сырого мяса её взгляд загорался. От вареной пищи она всегда отказывалась. Когда она ела мясо, и особенно печень, таявшая кровь стекала с уголков рта, и Смирнов пару раз разглядел в её лице что-то страшное. Он даже сам не понял, что он там увидел, но это заставило его содрогнуться. Однако, это сразу исчезало, и, взглянув опять, он видел только красавицу орочонку.

После этого они валились на топчан и до полночи на всю тайгу раздавались страстные крики. Никогда ему не удалось уловить момент, когда эвенка уходила. Просыпался он всегда один. Он перестал думать, кто она. Пусть хоть дух

лесной – лишь бы приходила. Иван не заметил, что чувство к этой лесной принцессе постепенно вытеснило все остальные. Он перестал вспоминать дом, жену, вообще всю ту жизнь, что протекала где-то там, за пределами этого таежного угла. Все это казалось зыбким и ненастоящим. Лишь воспоминание о дочери возвращало его в тот мир. Тогда наоборот, все здешнее – приходы неизвестно откуда взявшейся девушки, необычайно удачная охота – казалось нереальным.

Таюна была хозяйкой в этом лесу. Он не сомневался в этом. Однажды он посетовал, что за кабаргой надо ходить далеко, к самой вершине распадка. На другой день следы кабарожек появились чуть ли не у самой избушки. В другой раз он сказал, что до сих пор не нашел ни одной берлоги, а ему очень хотелось добыть медвежьей желчи. Через день он нашел не одну, а сразу две зимовки зверя. Однажды Таюна прямо в избушке показала свою власть над животными. Когда они лежали, отдыхая после очередного соития, в темноте в углу избушки раздался писк и возня. Это была маленькая белая ласка. Смирнов давно заметил, что она облюбовала для жилья его избушку, и сам подкидывал ей кусочки мяса. В этот раз она, похоже, поймала лесную мышь – они тоже пытались обживать полное еды место. Таюна приподнялась, что-то крикнула на своей тарабарщине, и в углу раздался испуганный писк. Больше ласку он не видел.

Когда он напрямую спросил, зачем она выгнала зверька, та засмеялась и сказала, что нечего подглядывать за хозяй-

кой.

В постоянных занятиях и страстных ночах дни пролетели незаметно. На конец декабря Смирнов давно запланировал выезд в поселок. Увидеть дочку, сдать какое-то количество пушнины, ну, и встретить Новый год. Побывать в жилухе он планировал дней десять. Потом вернуться, и уже до конца сезона. С Таюной про отъезд он не заговаривал – боялся. Иногда он думал, зачем мне эта деревня, встречу Новый год здесь. Все у меня для этого есть, и водка, и баба. Даже салютануть могу. Но потом вспоминал смеющиеся дочкины глаза и сердце начинало ныть. Нет, надо ехать.

Орочонка сама все поняла. Увидев собранные сани с набитыми под завязку мешками, она сменилась с лица.

– Все-таки поедешь?

Глаза её горели. Иван попытался успокоить девушку.

– Таюна, я же ненадолго. Сдам пушнину, дочку увижу и назад.

Но та вывернулась из его объятий и зло сказала:

– Лучше не езд! Если не хочешь зла своим близким!

Иван не понял, как его поездка может принести вред его семье, и попытался перевести все в шутку.

– Таюночка, поехали со мной. Будет у меня, как у турецкого султана, две жены.

От этого орочонка разозлилась еще больше. Лицо её пылало, она даже топнула маленькой ножкой.

– Я тебя предупредила! Запомни – ты мой! И никто тебя

у меня не заберет!

Вдруг она успокоилась и, как ни в чем не бывало, шагнула к столу.

– Ну, ты, что – угощать сегодня будешь?

Радостный, что все разрешилось так быстро, Иван засуетился у стола.

Ночью, среди любовных игр, Таюна еще несколько раз повторяла то, что теперь он принадлежит ей и надо забывать остальных. Иван, смеясь, соглашался:

– Да я и так только твой! Жену я не люблю, и никогда не любил. Да и всем остальным бабам тоже далеко до тебя!

Довольная эвенка прижималась к нему и начинала, играя, покусывать его то здесь, то там. Проснулся он, как всегда, один. Ехать страшно не хотелось. Представив, что этой ночью он не увидит и не почувствует знакомое тело, он даже застонал. Это что – я втрескался? Он давно считал, что любовь это что-то киношное, чему нет места в настоящей жизни. Не испытав настоящего чувства раньше, он не мог сравнивать. Болезненная страсть к лесной девушке может была любовью, а может нет. Но жить без неё он не хотел. Что мне там десять дней делать? – думал он, пробираясь на снегоходе через сугробы. – Побуду дней пять, дочку увижу, и назад. При воспоминании о дочке, губы расплывались в улыбке. Он представлял, как она с визгом кинется ему на шею и начнет кричать:

– Папка, папка приехал!

Он уже давно отложил ей в подарок самого красивого соболя. Потом поведет по магазинам, пусть выбирает, что захочет – денег нынче у отца не меряно.

Когда он выехал из тайги и впереди засветились огни поселка, словно морок спал с его глаз. Черт, что это было со мной, там в лесу? Откуда взялась эта Таюна? Ему стало страшно – что-то невозможное происходит с ним. Не может быть такой чертовщины на самом деле. Надо скорей домой, там посидеть и все обдумать.

Он подъехал к знакомым воротам. Пес за забором залял лаем, но вдруг замолк и начал радостно повизгивать. Учужал хозяина, обрадовался Смирнов. Он вошел в калитку, потрепал вилявшего хвостом цербера и начал открывать ворота. Что-то не то. Обычно, жена в это время уже выскакивала и сама открывала ворота. Она прекрасно знала, когда он обычно приезжает и в эти вечера уже дежурила у окна.

Он загнал снегоход с прицепленными нартами, закрыл ворота и направился в избу. Нехорошее предчувствие сжимало сердце. Никто не встретил его и у порога. Хотя свет горел везде, никто не вышел ему навстречу. Не разуваясь, он прошел через кухню и зал, заглянул в спальню.

Жена не спала. При виде Ивана она попыталась встать, но только застонала и тихо опустилась обратно на кровать. Худое, изможденное лицо осветилось радостью.

– Наконец ты приехал. Думала, не доживем, не увидим уже...

Не слушая её, он хриплым от страха голосом спросил:
– Анечка где? С ней что?

Жена приподняла одеяло. Рядом с ней спала дочка. Смирнов почувствовал, что глаза начало резать. Плачу, что ли? Девочка исхудала. На бледном лице горел болезненный румянец. Дыхание было прерывистым. Вдруг она закашлялась и проснулась.

– Мама... – плача потянулась она к матери.

– Доченька, – прижала та её голову к себе. – Посмотри, папа приехал.

Девочка повернула голову к отцу. На миг в её глазах вспыхнула радость. Но кашель опять начал трести худенькое тельце и она в изнеможении упала.

Все это время Смирнов стоял, не в силах что-нибудь предпринять. Наконец, он бросился к кровати.

– Доча, доченька! Что с тобой?

Девочка обняла отца слабенькими руками и беззвучно заплакала.

– Что с ней?! – повернул он искаженное злостью лицо к жене. – Ты куда глядела? Врачи где?

Та, сама измотанная болезнью, заплакала от несправедливых слов.

– Не знаю... врач только уехал... ничего не могут определить. Анализы в город отправили. Кучу лекарств выписали, ничего не помогает...

– Давно началось?

– С неделю...ничего мы не ели, не простывали...не знаю, что и думать, как проклял кто...

Смирнов осторожно уложил девочку, поправил одеяло. Надо действовать. Сейчас подыму всю эту сраную больницу, если нет – днем, пусть самолетом отправляют в город. Его практический мозг сразу начал просчитывать, что сделать в первую очередь. Куда, кому и сколько денег вложить. Тьфу, черт, надо же сани разобрать. Он, наконец, подошел к жене. Коротко обнял и поцеловал.

– Все. Лежи. Я сейчас с санями управлюсь, займусь вами.

Жена потянулась к нему, но он быстро убрал руки и поднялся. В это время на дворе зашелся лаем Байкал.

– Ваня, выйди...может доктор? Он обещал еще приехать.

Смирнов распахнул калитку. На него испуганным виноватым взглядом глядел орочон Коля.

– Тебе чего? – недобро спросил Иван. – Не до гостей мне. Завтра приходи.

Однако, Коля не двинулся с места. Глядя в глаза охотнику, он задал вопрос, от которого Иван вздрогнул.

– Видела шаманку?

Почему-то Смирнов сразу понял, что Коля спрашивает про Таюну. Но не стал отвечать, а переспросил:

– Какую шаманку? Ты чё тут с ума сходишь?

Он попытался закрыть калитку. Но маленький эвенк мертвой хваткой схватился за ручку. Глаза его понимающе ожили.

– Значит, видела...

Он обреченно сгорбился и закачался в искреннем горе.

– Что я сделала, что сделала...

Он, виновато заглядывая в глаза Смирнову, вдруг заплакал.

– Прости, Ванька. Прости Колю...

Не понимающий Иван хотел уже оторвать орочона от дверей и уйти, но тот вдруг сказал:

– Ванька, это она бабу твою и дочку убивает...

Смирнов схватил старика за грудки и подтянул к себе.

– Ну-ка повтори! Кто – она? Кто убивает мою дочку?

– Таюна. Она тебя захотела. Ты молодой, здоровый. Я такой был...

Иван быстро задернул старого охотника во двор и хлопнул калитку.

– Рассказывай!

– Долго это, Ваня...

– Ничего, ты по-быстрому рассказывай.

Смирнов оглянулся, куда бы? И потащил эвенка в баню.

То, что рассказывал орочон, было повторением истории Смирнова. Давным-давно, сразу после войны, старики в роду Коли делили участки для охоты. Был один богатый участок, который никто не хотел брать. С плохой славой. Там, на горе, в самой вершине распадка, была похоронена шаманка из старого исчезнувшего рода. Её берестяной гроб уже больше века висел там, на старой лиственнице. Коля был тогда

молодой, собирался брать жену, надо было много шкурок – он согласился на этот участок. Молодость ничего не боится, тем более дурных слухов.

Поставил чум и, в первую же ночь, к нему пришла де-вушка. Все остальное Смирнов мог бы рассказать и сам. Ко-ля стал самым богатым охотником. Только вот возвращать-ся из тайги оказалось не к кому. Заболела и умерла его бу-дущая жена. Потом, в одночасье, померли все его родствен-ники – родители, братья, младшая сестра и даже племянник. Не осталось никого, кто бы ждал его тут, в жилухе.

Смирнов сидел молча, слушал и не знал, что сказать. Он даже в детстве не верил в сказки, а тут... Тут он поверил сразу и бесповоротно. Сразу вспомнилось все – и отсутствие человеческих следов возле избушки, и зверье, слушающее-ся красавицу-орочонку, и добыча, чуть не сама падающая в руки. Но ведь она была реальной! Смирнов до сих пор чув-ствовал её тело в своих руках. И так же реальна была дочка, лежавшая сейчас в бреду.

– Я как услышал в магазине, что твой бабы заболел, ждал тебя. Каждый день ходил здесь. Сегодня след увидел, сразу побежал.

Иван не слушал орочона. Сжав голову руками, он качал-ся на стуле. Что делать, что делать? Ему казалось, да что за ерунда – неужто не смогут городские врачи вылечить дочку, и тут же он приходил в отчаянье – деревенские рассказы из детства и не про такое рассказывали. Не сможет современ-

ная жизнь справиться с тем, чего на самом деле нет.

– Что делать, Коля? У вас же остались какие-то шаманы, как-то помочь могут? Я отблагодарю.

Старик закрыл глаза и задумался. Смирнов уже подумал, что тот уснул. Но нет – он очнулся, жалеюще посмотрел на Ивана и тихо заговорил:

– Даже если и найдешь шамана, он ни за что с белолицей связываться не будет. Сильней её в этих краях не было. Она любого победит и тень заберет. Будешь вместо верхнего мира ей вечно прислуживать. Есть только один способ, чтобы бабы твои выжили.

Старик опять замолчал.

– Ты чё из меня жилы-то тянешь, Коля! Давай договаривай!

– Таюна тебя хочет. Вот и предложи себя, а от баб пусть отвяжется.

Смирнов посмотрел на Колю, как на сумасшедшего.

– В смысле? Чтобы я остался в тайге навсегда?

– Да.

Иван хотел послать ороचना подальше, но удержался. Ведь он говорит правду, все случилось из-за него. Только я это и смогу разрешить. Он задумался. Коля не мешал ему. Он закурил какую-то дешевую сигарету и, молча, сидел, думая о своем.

– Слушай, а убить её можно?

Коля вскочил:

– Таюну?! Не убивай её, Ванька...

Он замолчал и снова сел. Иван второй раз за этот вечер увидел слезы на глазах старого охотника.

– Я хотел остаться с ней навсегда...но я старый, не нужен Таюне...

Смирнов внимательно посмотрел на старика. Вот сука, и сколько она так жизнью загубила? Надо ехать в тайгу.

– Не сможешь ты её убить, – не поднимая глаз, тихо заговорил Коля. – Она хозяйка в лесу. Только огонь, может быть. Огонь всех побеждает.

Старик тяжело поднялся.

– Пойду я. Прости, Ванька. Не надо было мне звать тебя пить.

Он развернулся и вышел из бани. Иван глядел ему вслед. Знал бы ты, зачем я с тобой пил, не извинялся бы.

– Ваня, кто там был?

Смирнов ничего не ответил. Вместо этого, он сказал:

– Я поехал в тайгу.

– Ты что, Ваня? А как же мы?

– Люди присмотрят. Если что, вызывай докторов. Все, пошел собираться.

Он развернулся и вышел. Быстро разгрузив нарты, он залил бензин. Скидал в рюкзак нехитрую снедь. Не стал даже есть. Кусок не лез в горло. Перед отъездом он зашел в спальню. Жена умоляюще глядела на него.

– Ваня, не бросай нас. Знаю, меня не любишь, но об Анеч-

ке подумай.

– Замолчи, дура! Я только о вас и думаю.

Он положил на столик, где лежали лекарства связку ключей.

– Здесь ключ от железного ящика в подвале. Там деньги. Много. Если тратить аккуратно, надолго хватит. Нарты я разгрузил. В сарае шкурки и в мешочке струя кабарги. Струю продашь китайцам, а шкурки... дождись, придет тот же барыга из города, что в прошлый год, сдашь ему – он хорошую цену дает.

Жена онемела.

– Ну, вот и все, – Смирнов подошел к кровати и наклонился к дочке. Он прижался лицом к девочке, потом поцеловал ей голову и тяжело поднялся. Девочка так и не проснулась. Ну и пусть, хоть плакать не будет. Иван обошел кровать и обнял жену:

– Прости, Зинка, если что не так.

Он поцеловал её и поднялся. Только сейчас она заговорила. Срывающимся голосом она спросила:

– Ты что – бросаешь нас? Почему сейчас? Нашел кого?

Иван не стал отвечать на все эти вопросы. Уже уходя, бросил.

– Ты не думай всякую ерунду. Вернусь еще.

Однако в голосе его не было уверенности, и жена не выдержала, заплакала.

Без саней снегоход бежал быстрее. Снег играл в свете фары. Лес впервые казался Смирнову враждебным. Темные стволы лиственниц появлялись и исчезали в желтом кругу. Иван уже почти сутки находился в дороге, но не чувствовал усталости. По мере того, как он все глубже забирался в тайгу, мысли его менялись. Первоначальный настрой, когда он голыми руками готов был разорвать Таюну, постепенно уступал место другим мыслям. Может, попрошу, и она их простит. Она же хорошая. Он заулыбался, вспоминая ночи в охотничьей избушке. Все, что происходило дома, стало казаться не таким уж и важным. Смирнов пытался бороться с наваждением. Только воспоминание о беспомощной умирающей дочке на некоторое время возвращало злость на ороchonку.

Выехав на знакомую полянку, Смирнов резко затормозил. В свете фары перед ним стояла Таюна. Он впервые видел её такой. Девушка как будто стала выше ростом. На голове высокий, расшитый хвостами, ленточками и бисером, меховой колпак. Как корона, мелькнула мысль. Одевание в свете фары тоже все переливалось и блистало. Пышные хвосты играли при малейшем её движении. Но больше всего поражало её лицо. Оно стало еще белее. Черные красивые брови тоненькими дугами изогнулись над горящими черными глазами. Иван смотрел и не узнавал ороchonку. От Таюны веяло величием. Смирнову захотелось упасть на колени. Она прекрасна! Он сам удивился такой мысли. Подобное выра-

жение никогда не посещало его голову. Особенно, относительно женщин. Он всегда считал их добычей.

Шаманка подняла руку и пальчиком поманила его к себе. Иван послушно слез со снегохода и шагнул к ней. Огромным усилием воли он заставил себя спросить:

– Таюна, зачем ты губишь мою дочку?

Та ничего не сказала на это, но спросила сама:

– Ты пришел ко мне? Навсегда?

– Да! – выдохнул он, и, шагнув еще ближе, молниеносным движением воткнул, приготовленный еще дома, нож в прикрытую красивой вышивкой маленькую грудь. Клинок легко вошел по самую рукоять. Смирнов только успел поймать падающую девушку и опустился на колени. Глаза девушки погасли. Она умирала. Дыхание стало быстрым и хриплым.

– Таюна, не умирай! – закричал Иван.

Он поднял голову и закричал в звездное небо:

– Верните мне её! Будьте вы все прокляты!

Обезумевший охотник прижался лицом к груди девушки и завыл, как волк, потерявший подругу.

– Таюна, прости меня, – в горячке бормотал он. – Я хочу остаться с тобой. Я никогда не уйду от тебя.

– Хорошо! Я прощаю тебя!

Смеющийся голос Таюны ударил его по ушам. Он отпрянул. Девушка вывернулась из его рук и выпрямилась. Она стояла над ним живая и здоровая. Все портила только ручка охотничьего ножа, торчавшая из груди. В желтом свете фары

пятно, расплывавшееся вокруг раны, казалось черным. Она поймала рукоятку и легко, без усилия вырвала нож. Темное пятно исчезало на глазах.

– Пошли!

Шаманка протянула руку и взяла ладонь Ивана. Тот поднялся и безропотно шагнул за Хозяйкой Леса. Они уходили в темноту притихшей тайги, сопровождаемые многочисленными обитателями леса, собравшимися посмотреть на нового супруга Хозяйки. Чем дальше они уходили от света фары, тем больше менялись их тени – превращаясь в тени двух зверей – огромного медведя и гордой красивой волчицы. В лесу, у пустой избушки, еще долго тархтел мотор снегохода, распугивая местных обитателей, желавших добраться до рюкзака на сиденье.

– Мама, мама! – закричала Анечка, подбегая к матери. – Я сейчас видела папу! Он мне показал, где ягоды много!

В подтверждение она раскрыла ладошку полную ароматной княженики.

– Что ты, что ты, доча! Тебе привиделось. Папа умер, – Зинаида со страхом перекрестилась, хоть и была неверующая.

Зря мы пошли за этой ягодой, подумала она, денег на любое заморское варенье или компот хватает. Надо уходить домой. Она даже себе боялась признаться, что только что,

в переплетении кустов, ей тоже привиделись грустные глаза пропавшего прошлой зимой мужа. Тогда они с дочкой чуть не умерли от непонятной хворобы. Нет, показалось! – уговорила она себя и, схватив упирающуюся дочку за руку, потащила её к машине, стоявшей за кустами, на поляне. На ходу она твердо решила. – Завтра же начну продавать дом и уеду в город. Там не бывает всяких страшных историй. Это не тайга.

Конец.